

У НАС В ГОСТЯХ – ПИСАТЕЛЬ

«Легкие пути — не всегда самые интересные»

Интервью с Тamarой КРЮКОВОЙ

Что общего у «гения поневоле», бросающего вызов компьютерному миру, и у забавного игрушечного автомобильчика Бипа? Да ничего, кроме того, что придумал их один и тот же человек – детская писательница Тамара Крюкова.

Книги Т. Крюковой с удовольствием читают взрослые и дети. Это тонкий, добрый и умный писатель. А те, кому посчастливилось познакомиться с Тамарой лично, сразу понимают, что этот человек, как лучшие герои его книжек, сострадателен, мудр, бескорыстен, открыт и готов спешить на помощь ближнему. Сегодня у нас в гостях – Тамара Крюкова. Тамара Крюкова – член Союза писателей России. Лауреат первой премии Международного общественного благотворительного фонда «Русская культура» за возрождение литературы для подростков России. Член Оргкомитета Международного молодежного проекта «Мы пишем Книгу Мира», инициированного Московским городским Дворцом детского (юношеского) творчества. Награждена дипломом Международного фестиваля «Счастливые дети». Фильм, снятый по роману «Костя + Ника», завоевал главный приз XIV Международного кинофестиваля «Артек».

Тамара, вы пишете сказки для самых маленьких и смешные истории в духе Сотника и Драгунского, фантастические повести и довольно взрослые книги – «Костя + Ника», «Мир кино». Какой жанр для вас все-таки самый любимый?

Тот, в котором я работаю в данный, конкретный момент. Я непременно должна быть влюблена в свою работу. Но влюбленность необходимо подпитывать новыми впечатлениями и ощущениями. Поэтому в рамках одного жанра мне скучно, и обычно я пишу одновременно несколько вещей. Творчество не терпит рутины. Как только ощущение праздника уходит, мне нужно переключиться на другой жанр, поменять стиль, эпоху, героев, место действия. Зато, когда возвращаешься к прерванной работе, возникают свежие мысли и сюжетные ходы. После перерыва гораздо легче оценить, над чем еще стоит потрудиться.

По-моему, такая разноплановость имеет и минусы: человек, привыкший видеть автора с одной стороны, разочаровывается, столкнувшись с абсолютно иной по жанру книгой.

Определенный риск, конечно, есть. Но когда спортсмен идет на рекорд, он ведь преодолевает себя. Так и я каждый раз ставлю перед собой новую планку и смотрю, сумею ли повести за собой читателя. Конечно, писать для одной целевой аудитории легче. Приобретаешь своего читателя, а дальше все идет по накатанной дороге. Но зато нет того азарта. Легкие пути – не всегда самые интересные. Как говорил Наполеон Бонапарт: «Сегодня мы сделаем самое трудное, а невозможное оставим на завтра».

То, что молодые люди чаще, чем девушки, являются героями ваших книг – это дань «трудному»? Или, напротив, вам так проще?

Мой выбор героя чисто интуитивен. Может быть, я предпочитаю писать от лица парня, потому что у меня сын. А может быть, мне действительно интересно покопаться в мужской психологии, потому что это «terra incognita» – земля неведомая. Я очень хорошо помню себя и своих подружек в детстве и в юности. Здесь для меня нет секретов. А вот психология мальчишек – это каждый раз открытие. Но вообще-то я не сторонница гендерного подхода к детской литературе. «Снежную королеву» Андерсена никто не назовет «девчачьей» книгой, хотя это история любви, главная героиня которой – девочка.

По мнению Умберто Эко, у каждого писателя есть свой идеальный читатель, который понимает его с полуслова...

О, я затрудняюсь сказать, кто читает мои книги больше, мальчишки или девчонки.

И, тем не менее, каков ваш идеальный читатель?

Однажды один восьмиклассник, прочитав «Хрустальный ключ», сказал: «Это же философская вещь, кто понимает». Это и есть мой идеальный читатель. Тот, кто умеет читать между строк и видит за каскадом приключений глубинные мысли.

Кстати, в том же «Хрустальном ключе» вы часто обращаетесь к теме колдовства. А в цикле сказочных повестей о гордячке Злате фигурируют чародеи, бессмертные, дриады и феи. При этом печатаетесь вы не только в светских,

но и в православных издательствах. Каково же ваше отношение к колдовству?

По самой сути колдовство – это насилие. Это грубое вмешательство в жизнь других, поэтому оно не может быть белым, добрым и хорошим. Нельзя наколдовать счастье или любовь. Жизнь перед каждым человеком ставит испытания. Чтобы обрести гармонию в душе, надо победить зло в себе. А этого не добьешься никакими зельями и заклинаниями. Для меня стало приятной неожиданностью, что моя фантастика пользуется популярностью не только среди обычных подростков, но и среди воцерковленных читателей. Мои герои далеко не ангелы. Они живые люди и совершают ошибки. Но в критический момент они прибегают не к магии. Они черпают силы в себе. Мне хочется, чтобы, глядя на моего героя, читатель подумал: «Он такой же, как я, но ведь он смог. Значит, и у меня все получится».

А что является источником вдохновения для вас?

Единого рецепта нет. Иногда вдохновение приходит, когда слушаю музыку. Кстати, интересный факт. «Заклятие гномов» я писала под музыку Эдварда Грига. Недавно этот роман-сказка вышел в формате аудиокниги. Каково же было мое удивление, когда я услышала, что в качестве музыкального сопровождения взяли сюиту «Пер Гюнт». А порой толчок воображению дает уголок природы, шум дождя, игра языков пламени в костре. Или встречается книга, которая настолько потрясает, что хочется сесть и писать.

И не мешает? Не теряете при этом свой стиль?

Отнюдь. Как сказал кто-то из великих: «Чтобы дальше видеть, нужно встать на плечи своих предшественников». Писатель, как и любой профессионал, должен постоянно учиться, восхищаться мастерством других и стремиться достичь большего. Но учиться и подражать – это разные вещи. Имитатор обречен оставаться на вторых ролях.

Недавно был экранизирован ваш роман «Костя + Ника». Не могу не спросить: разделяете ли вы распространенное мнение, что книга всегда сильнее экранизации?

Если рассуждать в целом, то это мнение совсем не беспочвенно. Книга таит в себе гораздо более обширные возможности, нежели кино. Каждый читатель является в определенном смысле соавтором писателя, потому что видит героев по-своему. А фильм не оставляет места ни для воображения, ни для сотворчества. В мире существует столько д'Артаньянов, сколько читателей у романа Дюма «Три мушкетера». И только один д'Артаньян — Михаил Боярский — для тех, кто посмотрел фильм.

Если говорить конкретно о «КостяНике», то мне повезло. Режиссер, актеры, оператор удивительно тонко прочувствовали дух книги и передали в фильме взаимоотношения, романтику, тайну. Конечно, полтора часа экранного времени не могли вместить всего, что есть в книге. Роман пришлось сократить, но этой экранизацией я горжусь.

Продолжая «киношную» тему, хочу обратиться к одной из ваших последних книг – я имею в виду «Мир кино». В аннотации сказано, что это – «шокирующая» книга. Вам не кажется, что в современном мире и без того много шокирующего, чтобы привносить это в литературу, особенно подростковую?

«Мир кино» – это не совсем подростковая книга. Это книга для родителей, учителей, наставников – для

всех, кому не безразлично, чем живет молодежь. Это своеобразный разговор по душам. Часто подростки не склонны слушать советы старших, а то и вовсе воспринимают их в штыки. Но если книга вызывает сильное эмоциональное потрясение, то велика вероятность того, что читатель что-то переосмыслит и не наделает в своей жизни ошибок, которые сделал литературный герой. Когда мне говорят за эту книгу спасибо, я понимаю, что реально кому-то помогла. Судя по откликам, «Мир кино» производит сильное впечатление. Это радует. Иногда человеку нужно испытать шок, чтобы выздороветь. Я учу своих читателей быть счастливыми. А уроки бывают разными.

Чему же тогда, по-вашему, учат, например, детективы и «ужастики»?

Технике чтения. А если серьезно, то думаю, в любом жанре можно создать выдающееся произведение. «Преступление и наказание» – хрестоматийный пример блестящего психологического романа, построенного на детективной фабуле. Потому что для Достоевского важно не расследование, а внутренний мир и взаимоотношения героев. То же самое можно сказать про упомянутого вами Умберто Эко, про его «Имя розы». Сама я ни детективов, ни «ужастиков» не пишу, но что греха таить, тоже активно пользуюсь приемом загадки, чтобы держать читателя в напряжении.

Итак, если сравнить литературный процесс с восхождением, на каком уровне находится детская литература сегодня? И о восхождении ли идет речь?

Творчество – это вещь штучная, поэтому я бы не стала говорить о массовом восхождении или топтании на месте. Для кого-то нынешнее время – восхождение, а для кого-то, увы, закат. Но я не соглашусь с теми, кто считает, что детская литература находится в стагнации. На книжных полках появилась масса новых книг и новых имен. Другое дело, что люди довольно консервативно подходят к выбору детских книг и неохотно идут на эксперименты, предпочитая вещи, проверенные временем. Своеобразный резон в этом есть: зачем брать кот в мешке, когда можно взять то, что знаешь наверняка? Поэтому пробиться чему-то новому весьма нелегко. Но рассуждения на тему: вот раньше были авторы, а сейчас детской литературы нет – беспочвенны. Просто время еще не отфильтровало самое лучшее. Не все книги прошлых лет стали классикой. И среди современных книг найдутся те, которые останутся жить.

Достоевский считал, что люди могли бы оправдаться перед Господом на Страшном Суде, предъявив одну только книгу – «Дон Кихот». Не будем говорить за все человечество. Для себя – вы уже написали подобную книгу?

Вообще-то я стараюсь каждую книгу писать так, чтобы было не стыдно предстать перед Господом. Как сказал соотечественник великого Сервантеса – Хосе Ортега-и-Гассет: «Первая ответственность художника есть ответственность перед своим произведением». Это ответится не только ко взрослой литературе. Возможно, писать для детей – даже большая ответственность. Ребенок только формируется как личность. У него еще нет четкого понимания нравственности. Он учится общаться, дружить. Книга играет не последнюю роль в том, каким он станет и какое будущее его ждет. Написала ли я главную книгу своей жизни? Откуда же мне знать? Я всего лишь писатель, а судить будет время.

См. также 3 с. обложки.